

"Чудо?.. (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

«Чудо?..»

29 декабря

Это была известная частная клиника, пользующаяся завидной репутацией. Большой опыт работы, лучшие врачи-профессионалы, дорогое импортное оборудование, специалисты, знающие свое дело от и до.

И все же Наталья волновалась, нервно теребя ремешок своей сумочки, сжимая тот дрожащими отчего-то пальцами, и то и дело поглядывая на дверь кабинета, за которым скрывался врач.

А вдруг не поможет? Вдруг опять... разочарование? Новый курс лечения, улучшенная методика, куча вложенных в осуществление заветной мечты денег, и все без толку? Вдруг опять... слезы, зажатый кулак около губ, чтобы сдержать всхлипы и рыдания. Опять ревностные взгляды в сторону детских площадок, где мамочки гуляли со своими чадами.

Опять пустые обещания и невыносимые сожаления. Опять крах. Крах всего. Мечты, надежды, семьи...

И она вдруг ясно поняла, осознала всей своей сущностью, что не выдержит этого снова. Ни морально, ни физически не переживет еще один удар. Удар под дых, смертельный, контрольный выстрел в голову.

С каждым днем ситуация становилась все хуже, она ощущала, как путы разочарования, потерянности и бессилия перед неумолимостью рока сковывали ее с мужем все сильнее, все крепче. Удушали, убивали.

Одно желание на двоих. Одно - на двоих. Они бы все отдали за то, чтобы оно исполнилось.

Олег ее успокаивал, конечно, поддерживал, как мог, соглашался на любое лечение, не жалел средств, даже машину свою любимую, на которую копил более трех лет, продал, обменяв ее на подержанную. И все ради нее. *Ради них*. Чтобы сохранить семью. Чтобы появился хотя бы один шанс на то, что когда-нибудь в их доме зазвучит детский смех. Что в ящичке комода, где лежат все важные семейные документы, появится свидетельство о рождении их малыша. И крики по ночам, и сон по два часа в сутки, и попеременное дежурство у постели. И загубленные диванные подушки и разрисованные обои... Лишь бы только были!

Наташа видела, как ему тяжело. Может быть, так же тяжело, как и ей, а может, даже тяжелее. Но он никогда не показывал ей своей слабости. Мужчина! - что тут скажешь? Переживал, сильно. Но молча.

Он отчаянно хотел держать на руках своего малыша, укачивать его, ласкать, покупать подарки, баловать безделушками, хвастаться перед друзьями первым сказанным в его адрес «папа».

Он так хотел ребенка!

А она... она вот уже пять лет не могла ему его подарить.

Непроходимость маточных труб. Это прозвучало для нее почти, как приговор.

Долгое лечение, одна методика за другой, одна диагностика за другой, новые специалисты, улучшенные лекарства, дорогие инъекции, покой, строгий режим. Они выполняли все, что было предписано.

Но ничего не получалось. Вот уже пять лет они пытались. Но не могли. Не получалось. Словно рок.

Эта частная клиника была если не последним, то одним из таковых, шансом. Но ни веры, ни надежды уже почти не осталось. Не у нее. И Наташа чувствовала, как силы с каждой секундой покидают ее.

Опустив голову и закрыв глаза, она слушала свое сбивчивое дыхание, биение сердца, молчала.

И вздрогнула, когда Олег, стиснув ее ладонь, призвал жену посмотреть на себя.

Она подчинилась, подняла на него потерянный, совершенно разбитый взгляд.

Как он, наверное, презирает ее! Ей было не просто обидно, ей было стыдно.

Но любимые зеленые глаза не смотрели на нее с осуждением. Никогда за десять лет брака не смотрели так. А ей вдруг стало еще более стыдно. За что ей такое счастье? Что она сделала для того, чтобы получить такого замечательного мужа?! Он для нее все. А она ему даже ребенка подарить не в состоянии!

Разве заслужила она его?! Нет, нет... Она даже счастливым его в полной мере сделать не в состоянии. Что же она за женщина такая, если ребенка любимому мужчине родить не может!?

Словно уловив ход ее мрачных мыслей, Олег сильнее сжал маленькую женскую ладонь, надавливая на нее большим пальцем своей руки.

- Мы справимся с этим, ведь правда? - твердо произнес он, глядя ей в глаза.

На том, что прийти сюда, настоял именно он. Муж еще верил, надеялся. Ждал. А она устала.

Наталья зачарованно кивнула, в сотый раз уверившись в том, что не заслуживает этого мужчины.

- Да, - прошептала она еле слышно и опустила голову. - Справимся...

Почувствовав ее состояние так остро, как если бы ощущал его сам, Олег стремительно наклонился к ней и, сжав ее шею, потянул жену на себя, целуя Наташу в висок. И, пробегая губами вдоль щеки, зашептал:

- Все будет хорошо, сладкая, - приподняв ее подбородок, вынудил смотреть себе в глаза, а она неожиданно вздрогнула от подобного обращения, такого любимого ею когда-то. - Я тебя когда-нибудь обманывал? Никогда, - *зато она тебя обманула!* - Верь мне, все будет хорошо, - шептал он. - Вот увидишь!

И она снова кивнула, резко, быстро, чтобы не расплакаться, отгоняя дурные мысли, которые уже успели завладеть ею. Но слезы, коснувшись переносицы щекочущей болью, скользнули по щекам.

Олег порывисто прижал ее к себе, успокаивая, зашептал в волосы нежные и ласковые слова. В этом и был весь Олег, ее любимый мужчина, ее муж, который вместе с ней прошел через все круги ада, принимая ее боль за свою, все беды и несчастья, равно как и радости и успехи, разделив на двоих.

Наташе так много хотелось бы ему сказать, извиниться, пообещать бы, что все будет хорошо, увериться в этом, но не могла. Сковавший горло комок не позволил произнести ни слова и тогда, когда медсестра, показавшись в дверях кабинета, объявила:

- Елисеева!

Наталья вздрогнула, подняла на нее глаза. Сжимая дрожащими пальцами ладонь мужа, приподнялась.

- Мы справимся со всем, сладкая, - прошептал он ей одними губами. Но она поняла, услышала его.

Улыбнулась. Впервые улыбнулась за этот день, и сделала уверенный шаг в кабинет врача.

- *Если ты сейчас уйдешь, - кричала ей вслед мать, размахивая руками, - то можешь не*

возвращаться!

Скоро натягивая на себя куртку, девушка даже не обернулась. Сердце билось в виски, давило, сжимало грудь, но она продолжала тискать пуговицы дрожащими пальцами.

- Я не собираюсь терпеть все твои выходки! – продолжала мама, срываясь на дикий крик. - Какая еще блажь может взбрести тебе в голову? И я должна с этим мириться?! Ни за что! – и, увидев, что дочь не реагирует на ее слова, продолжая застегивать куртку, выкрикнула: - И куда ты собралась, позвошь спросить? К своему хахалю?! Да? К нему?

Злость разъедала на части, рвались изнутри слова, которые не стоило говорить, дурные слова, плохие. Не то, совсем не то, что нужно было бы сказать! Но ни одна, ни вторая не могли справиться с собой.

- Тебе учиться надо, а не о мужиках думать! – завопила женщина, кидаясь к дочери. – Ну, то он может от тебя хотеть сейчас! Ты хоть сама-то подумай, а? – но дочь никак не прореагировала на ее слова, метнулась к двери, распахивая ту настесь.

Следя за действиями дочери, явно не ожидая подобного, женщина вдруг сорвалась. Вzbесилась.

- Ну, и отправляйся! – кипела она от злости. – Но, я повторяю, если ты сейчас уедешь, если переступишь порог этого дома...

- Я не вернусь, не волнуйся! – твердо перебила ее девушка, выскакивая на лестничную площадку.

Мать выскочила за ней следом. Сердце колотилось в грудь, грубо и жестко билось, сбивало дыхание.

- Что?.. Ах, так! Вот так, да?! – яростно воскликнула она, кипя от гнева. – Твой хахаль дорожке тебе родной матери?! – и вновь злые слова сорвались с губ, необдуманно, глупо. - Ну, посмотрим, посмотрим, к чему все это может привести. Когда надумаешь вернуться...

- Я не вернусь! – резко выкрикнула дочь, оборачиваясь к ней. – Я буду с Игорем, что бы мне не говорила. Он хороший, ты его совсем не знаешь! А если ты против, то я...

- Ну, и отправляйся к своему Игорю! – вызывающе выкрикнула мать. - Иди, иди. Но не смей мне и на глаза больше показываться, поняла?! – голос женщины трясся от злости, обиды и бессилия. Она понимала, что говорит, злые слова, дурные, нехорошие, но не могла остановиться. - Я не пушу тебя назад! Не пушу, ты слышишь!?

- Слышу! – выкрикнула девушка и, насупившись, опустила голову вниз.

Постояла около лестницы не больше пары секунд, глядя в материнское лицо, в эти светлоресничные глаза, расширившиеся толи от ужаса и изумления, толи от желания простить и понять даже против воли, но так и не сделала вперед ни одного шага.

Наоборот, отступила назад. Туда, к бездне, к точке невозврата, и глухо повторила:

- Слышу... - и стремительно кинулась прочь, по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки, а, выскочив на улицу, разрыдалась от неподдавленной вызывающе кричащей гордости, заставившей ее уйти, и от бессилия, сотрясающего ее тело дрожью и горячей волной раскаяния.

И уже не видела она того, как невысокая женщина, сделав быстрый, но нетвердый, неуверенный шаг вперед, застыла с открытым ртом, глядя вслед убегающей от нее дочери.

Но так и не смогла ничего произнести.

В ушах стоял какой-то непонятный шум, дезориентирующий, бешеный гул голосов, слившийся в поток пустых нелепостей и колких острот, сказанный матерью и дочерью друг другу.

А за ее спиной, неслышно ступая по холодному кафелю босыми ножками, протягивая к ней ручки и обнимая со спины, вдруг послышался обиженный детский голосок:

- А куда Юля ушла? Она обещала поиграть со мной...

Медленно обернувшись, женщина зачарованно всматривалась в личико сына, словно не узнавая его. А потом, подхватив мальчика на руки, сдавленно выдохнула:

- Она скоро придет, - бросила быстрый взгляд в темный подъезд. - Скоро придет...

И с щемящей болью в груди вернулась в квартиру.

Не получилось. Не вышло. Опять удар. Новое разочарование и боль.

Опытный специалист, доктор медицинских наук Леонид Аркадьевич Нуреев, приветливо встретивший ее в кабинете частной клиники, ничего конкретного не сказал, не отказался от ведения болезни, предлагая новые методы лечения и диагностики, но, как и все остальные, не давал гарантий.

Никто уже не давал им гарантий. И от этого ей было еще хуже, чем раньше. Никто ничего не обещал ей.

У нее еще была надежда, вера во что-то, когда она осторожно и будто неуверенно входила в кабинет, и, встреченная радостным приветствием, заглянула в добрые серые глаза. Ей хотелось верить! Ради Олега, ради семьи, ради совместного будущего, которое еще было для них возможно. Но которое рухнуло замком из песка, едва она покинула кабинет специалиста.

Потому что он, как и многие другие, не давал ей никаких гарантий.

Сидя в кожаном кресле, скрестив ноги, и глядя в окно, Наташа плакала. Неслышно, едва заметно, чтобы Олег не заметил этого, легко подрагивая от всхлипов и дрожа всем телом. Больно. Как же больно!..

Закрывая глаза, она задавалась жужжащей внутри нее мыслью: разве может Олег любить ее после этого? Разве может?! Она даже ребенка подарить ему не в силах, а он... он все для нее делает! *Так всегда было.*

Маленькая девчонка, влюбившаяся в самого популярного мальчика в школе, разве могла она на что-то рассчитывать в отношении него уже тогда? Красавчик, спортсмен, отличник. А кто она? Разве можно было ей даже мечтать о том, чтобы он посмотрел в ее сторону? Нет! Но она и не ждала ничего. Никогда.

Он сам обратил на нее внимание. Как, почему? Она до сих пор искала отгадку, а муж отшучивался, если она мучила его подобными вопросами.

Он влюбился в ее смех. В ее смущение. В светящиеся глаза. В только ее такое важное «Люблю»...

Увидев ее однажды, вдруг понял - она. Словно взрыв вселенной, будто удар в солнечное сплетение, резкий, неожиданный, заставший врасплох. Еще вчера она проходила мимо, и прошлые годы тоже ходила рядом, а он даже не смотрел в ее сторону. И обратил на нее внимание почему-то именно тогда, в тот день.

Тридцать первое декабря.

Что в ней было тогда особенного? Наспех повязанный шарфик, подаренный бабушкой? Впервые тронутые помадой губы? Снежинки на пепельно-светлых волосах, выбившихся из-под шапки? Замерзшие руки, которые она старательно грела на морозе теплом дыхания?..

И он, совсем рядом, в шаге от нее, стоит вместе с ней на остановке и ждет автобус.

Всего один взгляд в его сторону, всего одна улыбка, движение... И они больше не расставались.

Окончание школы, один университет на разных факультетах, после - свадьба, семья, карьера...

Она все думала, что же он в ней нашел? Совершенно неприметная серая мышка, как многие любили повторять. А он... влюбился. Отчаянно, сильно, крепко. И любил до сих пор.

Она и тогда ничего не могла ему предложить, а сейчас... Что она может дать ему сейчас?!

Кто бы мог подумать? Он. На кухне. Готовит ей чай. С лимоном, как она любит. Опять - все для нее, а она? Что - она? Что она может ему дать, что может предложить?!

Чертова работа в банке! Да, успешная карьера, на которую она положила много лет, служебный рост, повышение и соответствующая зарплата. Но разве она заменит ей в будущем заветное и волшебное «Мамочка», произнесенное с придыханием и любовью шепелявым детским голоском?! *Никогда.*

Что она может предложить ему? Себя?! Но он устанет от нее. Если за двенадцать лет не устал, так это потому, что не мечтал о ребенке, не задумывался о том, чтобы стать отцом, не строил планов. А сейчас... когда хочет, когда может его иметь. Может! Но только не от нее. Не от нее! Она *не может* его дать!

Наташа зажала рот рукой, чтобы не закричать в голос, не разрыдаться, не забиться в истерике. Прикусила кожу руки, почувствовав на языке солоноватый привкус металла. Оказывается, прикусила до крови. Только бы не заметил отметин, только бы не услышал рыданий...

Он всегда ее подбадривал, успокаивал, поддерживал, шептал, что все будет хорошо. Даже сегодня, когда она, наверное, уже ни на что не надеясь, заходила в кабинет врача. Ей так хотелось верить в чудо. Перед Новым годом! Разве это не время чудес и волшебства?! Но чуда не произошло. Не с ней. Не с ними.

А за окном завывала вьюга, мела метель, кружась в воздухе бешеным танцем, и вихревым потоком бросая в лицо колкие стрелы оголенных снежинок. Пустая, равнодушная, мрачная метель... Безжизненная. Такая же мертвая, укутанная, будто саваном, природа, как и она, умершая в этот день.

Она так много и часто плакала, что, казалось, должна бы уже перестать реветь, но не могла успокоиться.

Взгляд невольно упал на свадебную фотографию, выставленную в рамке на столике.

Такие счастливые, беззаботные, невинные. Надеющиеся, верящие... В лучшее будущее. В светлое.

Столько планов, столько желаний и стремлений, столько целей и задач!

А чего в результате достигли? Работа, отнимающая много времени. И семья, стоящая на грани краха. *Без ребенка.* Ей уже тридцать два! Скоро сама вероятность того, чтобы забеременеть станет ничтожно мала. А ему тридцать пять. Мужчина в самом расцвете сил. Он сможет, он достигнет, у него все получится.

А она?.. Она не достойна его. Наверное, никогда не была достойна. С того, самого первого дня их знакомства. А сейчас и подавно не имеет права на него претендовать.

Она должна его отпустить. Обязана сделать это! Она не может удерживать его около себя. Больше не может. Это неправильно. Он достоин самого лучшего, с достойной женщиной, с самой лучшей, которая родит ему малыша, исполнив тем самым заветную мечту. С другой, - но *не с ней.*

Она и не заметила, как ее тихие, едва слышимые рыдания, превратились в душераздирающий вой. Слезы текли по бледным щекам, оставляя на коже разводы, губы искусаны в кровь, а из груди рвется разорванное на части сердце. Болит, скребется, нарываяет. Бьется и кричит, завывает в такт монотонному вою бури.

Сама того не замечая, она стала раскачиваться в кресле из стороны в сторону, невидящим стеклянным взглядом, всматриваясь в темноту ночи и снежный буран, хозяйничавший за окном.

Олег застал ее в таком состоянии и, едва не уронив поднос с чаем и булочками, бросился к жене.

- Наташа! - захватывая ее щеки в свои ставшие вмиг холодными ладони, воскликнул он. - Наташенька! Что с тобой? Милая моя, родная, - стал судорожно целовать ее щеки, виски, веки, жаром губ слизывая следы слез. - Что с тобой, сладкая моя? Почему ты плачешь? - а она зарыдала еще сильнее. - Ну-ну, что ты? - крепче прижал ее к себе, сжимая в объятьях, слушая, как в унисон его сердцу, бешено стучащему, рвется из груди рваными ударами и ее сердце. - Что ты, Наташенька?.. Ну, не плачь, не нужно, родная!.. - нашептывал он ей, едва касаясь губами ее волос. - Не плачь, моя милая. Все у нас будет хорошо! Слышишь, все будет хорошо!..

- Не будет!.. - прорыдала женщина, запинаясь. - Не будет, Олежек...

- Ну, что ты?.. Успокойся... - возмутился муж. - Ты просто себя плохо чувствуешь.

- Ты все для меня, - снова прорыдала она. - А я даже ребенка тебе родить не могу!..

Не в силах что-либо ей ответить, мужчина лишь крепче сжал ее в своих руках, стискивая ее плечи. В переносице непривычно защипало, и он часто заморгал, пытаясь успокоиться. Черт, что же это, а?..

- Наташенька... - пробормотал он шепотом, скрывая лицо в шелке ее распущенных волос.

- Я недостойна тебя, - проговорила она едва слышно, так тихо, что ему показалось, он ослышался.

- Что?..

- Я не достойна тебя, Олежек, - повторила она надрывно, отстраняясь и глядя ему в глаза. - Ты лучшего достоин. *Самоголучшего!* А я?.. - слезы заструились по ее щекам с новой силой. - Я ничего не могу тебе дать. Ничего... Боже, как я себя ненавижу за это!.. - воскликнула она через силу и, опустив голову, попыталась спрятать лицо в дрожащих ладонях.

Олег стремительно и резко отвел ее ладони в сторону, настойчиво заглядывая в покрасневшие глаза. Приподнял ее подбородок и жестко спросил:

- Ты что такое говоришь? - тяжелый взгляд, строгий. - Даже и думать об этом не смей, поняла меня? - она не отреагировала, и он настойчиво повторил: - Поняла?..

- Уходи от меня, Олежек, - прорыдала Наташа, уже не сдерживаясь. - Оставь меня, оставь, родной... Я тебя сама отпускаю, я знаю, так лучше будет.

- Лучше?.. - смотрел на нее зачарованно, озадаченно.

- Ты себе новую жену найдешь, - рыдая, продолжала говорить она. - Ты еще молодой, красивый, здоровый. Она будет лучше меня, надежнее... - говорила и не видела, как мрачнело в каждой секундой его лицо, хмурились брови, превращались в узкие щелочки глаза, сжимались губы. - Я даже преследовать не буду, я в другой город уеду, если хочешь, чтобы только вам спокойнее жилось, - запинаясь, бормотала она. - Так лучше будет, я знаю... Она тебе сына родит. Или дочку!.. - прокричала она в голос, вырываясь из его объятий. - Она сделает это! А я не могу! - она завyla, как раненая волчица. - Я не могу!.. Понимаешь?!

- Идиотка! - грубо выдохнул он сквозь плотно сжатые губы. - Дура! - повторил он, вскакивая с колен и сверкая молниями глаз. - И давно ты это решила?! Давно, я спрашиваю?!

А она просто сидела и смотрела на него заплаканными глазами не в силах больше произнести ни слова.

- Идиотка, - повторил он снова, наклонившись вниз и закрыв глаза. - Какая же ты идиотка...

Она молчала, только вздрагивала изредка и сопела. А он вдруг наклонился к ней, схватил обеими ладонями за щеки и, вынуждая смотреть себе в глаза, заявил:

- Я тебя никуда не отпущу, - по словам, отчетливо, твердо, уверенно. - Ты поняла меня? И тебе не позволю тебя бросить! Ясно? - она не кивнула, не смогла, но он увидел сверкнувшие в ее глазах искры. - И другая мне никакая не нужна. И не будет она лучше! Не будет, понимаешь? - он отчаяннее стиснул ее щеки, словно вынуждая обратить на себя внимание. - Разве будет у нее твоя улыбка? А твой смех? И будет ли она будить меня по утрам своими замерзшими ступнями? И станут ли ее волосы, разметавшиеся по подушке, дурить мне голову? - слеза скользнула по его щеке, а он и не заметил, продолжая: - И придет ли ей в голову, подарить мне на Новый год песочные часы? И ей ли я буду писать сообщения, чтобы она надела шапку, потому что на улице метель?.. И не будет она лучше, никогда не будет лучше тебя! - коснувшись лбом ее лба, он шепнул: - Потому что невозможно быть лучше тебя, не будучи тобой.

Ее сердце разрывалось от нежности, любви и благодарности к этому мужчине, который был ее мужем.

- Но я не смогу подарить тебе малыша, - пробормотала Наташа, рыдая.

- Это кто тебе сказал? - возмущенно воскликнул он. - Кто тебе это сказал?! - заглянув в ее глаза, казалось, в самую сердцевину ее души. - Мы справимся, ты меня слышишь? *Вместе!* Мы все сможем вместе, - он печально улыбнулся. - А если не получится, возьмем малыша из дома малютки. И он станет самым родным, любимым, *нашим*, - сглотнул, ощущая, что на языке появляется привкус слез. - И все у нас будет хорошо. Ты мне веришь?.. - он настойчиво стиснул ее щеки. - Веришь?

Ей хотелось. Ей очень хотелось ему верить! В чудо, в счастье, в светлое будущее, где их будет трое.

- Верю... - прошептала она, сжимая его плечи своими ручками, обнимая его сильнее, крепче. - Я верю! - и вдруг стало так тепло, так уютно, так спокойно. Надежно. С ним она готова была верить в чудеса.

- И я верю, - тихо сказал Олег, закрывая глаза. - Мы вместе, и мы справимся!

- Да, - тихо, но уверенно прошептала она ему в шею. - Да!..

И не было в этот момент на земле человека более уверенного в предстоящем счастье, чем эти двое.

Они вместе, рядом друг с другом. Рука в руке, одна жизнь и судьба на двоих. Одна любовь, одна вера.

А значит, и костерок вскоре загорится в душе из тлеющих угольков, воскрешая умершую надежду.

Обнимая себя руками, она стояла около окна и смотрела на разыгравшуюся за окном непогоду. Снег, кружась вихрем, словно бы завывал, вторя ветру, который в потехе продолжал гнуть в разные стороны деревья и гонять клубки снежных пылинок по асфальту, и подбрасывая их в воздух.

В квартире холодно не было, но ей вдруг стало зябко и неуютно, и женщина поежилась.

Как она там? Как там ее упрямая гордая девочка? Одна, в такую непогоду!?

Ее передернуло, сердце сжалось. Глаза закрылись, словно не в силах выносить тяжести век.

Она сказала, что не вернется. Пошутила? Или, действительно, не придет домой? И даже не позвонит, не предупредит о том, где сейчас находится?

Тревожный беглый взгляд метнулся к столу, на котором сдержанно молчал телефон.

Гордая, какая же гордая!..

Тяжело вздохнув, поняла, что не позвонит... За эти часы – ни одного раза, а на ее многократные звонки отвечал монотонный женский голос. «Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети».

Уже через час после того, как дочь ушла, она остыла, осознав, что не стоило ей кричать. И, конечно, не стоило указывать Юле на дверь! Глупость, эмоции, чувства, желание дать своей девочке самое лучшее.

Потом пришло осознание того, что она натворила и что ей наговорила.

А может быть, не так и плох этот ее Игорь? Ну да, старше нее на семь лет, а дочери-то всего-то шестнадцать. Девчонка совсем! Что он может ей пообещать, что предложить?! Но если подумать, вырос он в хорошей семье, правда, с одним отцом, но тот у него врач, успешный специалист, профессионал. Да и ничего дурного ей не предлагал. Пока, по крайней мере. Да и школу Юля не пропускала из-за него, наоборот, защищая его, говорила, что он ее до школы провожает, а потом встречает. И не задерживает по вечерам, не шумит, не достает ночными звонками и не колотится в дверь. Почему же она на него взъелась? Почему на желание дочери провести вместе с парнем новогодние праздники в Ярославле с его бабушкой и дедушкой, так разозлилась, вышла из себя, запретила, ничем в общем-то не обосновывая свой запрет? Что на нее нашло? Почему она вспылила?

Может, потому, что день на работе выдался суматошный? Праздничная неделя, перед Новым годом, когда все вверх дном, сотрудники стоят на головах, шеф сводит с ума

поручениями и заданиями, отчеты, папки с не разобранными делами, задержка в офисе до десяти вечера. А дома муж и дети. Им тоже нужно внимание. А как его всем уделить?!

В итоге – нервный срыв и истерика. Взрыв эмоций и выплеск скопившегося напряжения. На дочку.

Да, она сорвалась. И муж это заметил, и даже маленький Никитка. А Витя вообще заявил, что, если дочь домой не вернется, он к матери жить переедет. Не шутил, она знала. Отойдет потом, простит. Но она и сама себя винила в том, что допустила подобное.

И где теперь ее девочка? Куда ушла, к кому?.. Подруги, друзья, родственники? Игорь?..

Склонившись над подоконником, женщина неслышно заплакала.

Глупая, какая же она глупая! Столько дурных слов наговорила, столько острот бросила, что и не искупишь их теперь ничем. Попросить бы прощения, поговорить, объяснить, извиниться...

Только бы узнать, где она. Хоть немного, чуть-чуть, самую малость... Где она, что с ней, как себя чувствует?.. Хоть шапку надела, да перчатки не забыла!..

Материнское сердце готово было все простить за малейшую крупичку информации о родном ребенке.

Но телефон молчал, Юлин – не отвечал, а за окном холодно и темно. И Новый год послезавтра.

Хоть бы нашлась, позвонила, вернулась. И она все простит, смирится, примет...

Только бы обнять свою дорогую девочку вновь.

30 декабря

На Новый год они были приглашены на семейный праздничный вечер, а потому уже днем тридцатого декабря отправились в старинный каменный дом в два этажа на окраине города, где должна была собраться вся их многочисленная семья. Олеговы родители, в доме которых и планировалось отмечать праздник, его брат с сестрой со своими семьями, а так же родители Наташи и ее младший брат с женой.

- Я думаю, это пойдет нам на пользу, - сказал Олег, когда они отъезжали от дома. - Нужно отдохнуть.

Наташа промолчала. Да, нужно отдохнуть, прийти в себя. Встречи с семьей всегда бодрили ее, радовали, вынуждали верить в то, что она кому-то нужна. Она ощущала их поддержку, опору за своей спиной, семью.

Родители Олега никогда не корили ее в том, что она до сих пор не подарила их сыну ребенка, более того, они ее поддерживали. Как часто она разговаривала по телефону со свекровью, когда та, будто чувствуя состояние своей невестки, успокаивала ее, находя самые верные, самые нужные слова утешения! Она ни словом, ни взглядом ни разу не упрекнула ее в их трагедии, хотя, наверное, могла бы, имела на это право, как имел его и Олег. Но их связь была такой же сильной, как если бы они были родными по крови.

Ее собственные родители переживали за нее. Она видела, что они словно вместе с ней вновь и вновь ощущают боль, и чувствовала себя предательницей, разрушительницей их счастья. Они так хотели внуков!

В Новый год, она знала, никто слова не проронит в адрес их беды, это стало негласным канонам, тихим запретом, границей дозволенного, за которую никто не посмел бы себя заступать.

Она была благодарна им, но отчего же чувствовала себя несчастной? Они не хотели задеть ее чувств, старались не упоминать о том, что происходит, и она в их обществе тоже на мгновения забывала обо всем. Но потом, когда сладостный дурман забвения улетучивался, испарялся, проходил... Ей было еще хуже.

Но сейчас, уже подъезжая к окраине, Наташа подумала о том, что оставит грустные мысли за порогом дома семьи, не будет плакать, грустить, заставит сердце не болеть, не рваться из груди от не выстраданного горя, прикажет ему замереть на время, забыться. Она не позволит себе испортить им праздник!

- Как ты, сладкая? - спросил Олег, когда они уже выходили из машины.

- Хорошо, - проговорила она, улыбаясь, и, заметив в окно на первом этаже какое-то движение, сказала: - Завтра Новый год, - снова улыбнулась. - А нас встречают...

И отчего-то так радостно, так светло стало на душе, как еще не было за последние недели, даже месяцы.

Свободно, легко, светло. Семья!..

- Наташенька, - позвал Олег, направляясь к дому. - Пойдем в дом, холодно.

Она посмотрела на него и, втянув в себя свежий морозный воздух, который дышал приближающимся праздником, детским смехом, мандаринами и хвоей, Наташа последовала следом за мужем.

Атмосфера праздника не оставляла их с того мига, когда они, переступив порог большого, двухэтажного дома, попали в объятия уюта и семейного тепла.

- А вот и первые гости!

Наташа улыбнулась, услышав веселый голос свекра, а когда и сам он выплыл из гостиной, обняла его.

- А вот и вы! - суетливо воскликнула Ирина Николаевна, целуя детей в щеки. - Ну же, раздевайтесь, проходите, чего встали, как неродные? - взволнованно затараторила она. - Саша сейчас чайник поставит, я там блинчиков напекла. Саша!

- Да слышу я, слышу, - проворчал супруг и поплелся в кухню. - Вот вечно так, чуть что, так сразу: «Саша, поставь чайник»...

- Ты что-то сказал? - обернулась к нему жена, но тот уже скрылся за дверью.

Наташа улыбнулась, провожая его глазами. Как это все-таки здорово, - оказаться в кругу семьи!

После обеда приехал Толя, старший брат Олега, с женой и сыном Ромой, а спустя час появилась и Эля с семьей. У нее двое детей, и эти сорванцы-двойняшки, Лиля и Антошка, буквально ворвались в дом, что-то рассказывая домочадцам, друг друга перебивая, перескакивая с одной темы на другую, ругались между собой, но так задорно смеясь, что невозможно было остаться равнодушными.

Последними, уже ближе к вечеру, прибыли родители Наташи, а вместе с ними и Коля, Наташин брат, с женой и дочкой, Танюшей. В этом году девочке исполнилось семь, она круглая отличница, умница и красавица, отец ее балует и ласково называет капризулей. А Танюша, не обращая внимания на громкий оклик матери, не успев раздеться, едва заскакивает в дом, мчится к своей любимой тете Наташе, хватая ее за подол платья, привлекая к себе внимание, а потом гордо показывает. Вот, мол, посмотри, на Новый год сама сделала из цветной бумаги новогодние игрушки, ей даже никто не помогал. Она их подарит бабушке и дедушке.

И ее рукодельные изделия теперь красуются на новогодней елке в гостиной. Вот какой подарок!

Глядя на эту картину всеобщего веселья, радостной суматохи и веселья, наполненного детским

смехом, Наташа, обещавшая себе не плакать, все же втихаря смахивает с глаз подступившие слезы.

Одни они с Олегом не могли исполнить свою давнюю мечту. Столько лет, столько попыток, лечение, долгое и изматывающее, надежда, вера, падавшие и вновь поднимающиеся на ноги, не сдающиеся мужчина и женщина, упорно шедшие к своей цели, но так ее и не достигшие.

Закрыв глаза, женщина постаралась сдержать стон. Сложно. Как же сложно притворяться счастливой и веселой, всем улыбаться, смеяться над шуткой, поддерживать разговор, когда на душе скребли кошки, когда самой души уже почти не осталось, она словно выгорела дотла от бесплодных надежд и исканий.

Как верить?.. Во что верить? И есть ли вообще смысл?..

-... тетя Наташ, а вы верите?..

Женщина вздрогнула, отвлекаясь от своих мыслей, удивленно посмотрела на племянницу.

- Что?..

- Вы меня совсем не слушаете, - с обидой в голосе пробормотала девочка и насупилась. Подошла к ней.

- Прости, солнышко, - смущенно потупилась Наташа, тронув девочку за щеку. - О чем ты говорила?

Немного поразмыслив, Танюша решила.

- Лилька мне сказала, - забравшись к Наташе, сидевшей на диване, заговорила она, - что есть такая примета.

- Какая? - с улыбкой проговорила Наташа, приподнимая брови.

- Что, если новогоднюю ночь написать на листке самое заветное желание... Только самое-самое заветное! - уточнила она с укоризной. - Поджечь листок, а потом бросить в стакан с шампанским... и пока бьют часы на башне... эти... как их?..

- Куранты, - подсказала женщина, чувствуя подступающий к горлу ком.

- Да, куранты, - послушно повторила девочка, светящимися глазами глядя на тетю. - И если выпить все, то желание сбудется! - глаза ее горели, губки приоткрылись, а щечки

раскраснелись. - Вы верите в это?..

Сердце болезненно сжалось.

- Я...

- Я верю, - перебила Танюша, гордо вздернув подбородок, - и Лилька тоже верит. А Антон сказал, что это все не правда, - она насупилась, недовольная. - А вы как думаете, желание может сбыться?..

А правда, желание может сбыться?..

Наташа застыла, словно громом пораженная. Сотни мыслей смешались в ее голове, перебивая одна другую. Самое-самое заветное желание. То, о котором она мечтает вот уже пять лет...

А может быть?..

Да нет, глупость какая-то! Ты что как маленькая!? Ты веришь в эту чушь?!

А вдруг получится? Так, может, стоит попробовать?..

Ну, ты совсем с ума сошла. Образованный человек, а веришь в какие-то... сказки!

Да, верю... Верю! Мне хочется верить...

- Теть Наташ! - тронула ее за руку племянница, призывая обратить на себя внимание. - А если я вместо шампанского сока выпью, то мое желание сбудется?

Она посмотрела на девочку, в ее доверчивые, наивные глазки, которые верили в чудо, ждали его...

И она тоже в него поверила. Хотела верить, как и Танюша.

- Да, солнышко, - тихо проговорила женщина, сглатывая комок в горле. - Конечно, сбудется. Если это самое заветное твое желание, то в Новый год оно обязательно сбудется. Обязательно...

- Значит, завтра я это и проверю! - заявила девочка, радостно улыбаясь.

Наташа улыбнулась ей немного натянуто. Сердце бешено стучало в груди, ладони вспотели. А,

может?..

«И я тоже, подумала женщина. И я тоже...».

С Игорем было хорошо, кто же спорит? Он ее всегда оберегал, защищал, никогда в обиду не давал. С самого первого дня их знакомства. Он был ее рыцарем, действительно так, а она уже и не верила, что подобное бывает в реальной жизни! Но появился он, и она обо всем забыла. Это была первая сильная любовь, чистая, искренняя. И Юле казалось в тот миг, что именно с этим человеком можно попробовать быть вместе. Он чем-то напоминал ей отца. Такой же сильный, умный, красивый... И всегда защищал ее. Даже от нее самой. Когда она хотела не пойти в школу и прогулять занятия, чтобы остаться с ним, погулять по городу, сходить в кино или в кафе, он всегда, чмокнув ее в нос, напоминал, что ей нужно учиться.

И тем обиднее, жестче звучали слова мамы в его адрес! Несправедливые слова, злые, лживые!..

Игорь совсем другой, он хороший, он – самый лучший. А мама о нем так плохо, так... грубо... За что?!

И отец его, Андрей Павлович, был всегда с нею добр, ласков, приветлив, и слова дурного о ней не сказал. А ее мама... вон как об его сыне отозвалась! Нехорошо это, неправильно как-то.

Когда она к Игорю пришла, он ее принял, конечно же, да и Андрей Павлович против не был, только просил маме позвонить, успокоить, сказать, где она. Юля солгала, пообещала, но не исполнила.

Она была очень зла на нее, обижена, раздосадована, задета. Не отвечала на звонки, а затем и вовсе телефон отключила.

- Юляш, - уговаривал Игорь, - ну, что ты, а? Маме позвонить нужно, она беспокоится о тебе, переживает, а ты... вон как себя ведешь. Что ты, а?

И она позвонила. Да, она позвонила. Да только на ее звонок никто так и не ответил!

Она плакала потом, втайне от Игоря, ночью, уткнувшись в подушку, а утром ходила грустная.

И сейчас, в эту самую минуту поняла, как ей мамы не хватало. И пусть бы ругалась, бранила, кричала, заперла бы дома, отобрала телефон. Только бы вместе с ней, голос ее

услышать, ощутить аромат духов.

А она ее будто забыла! Обиделась?.. Разозлилась? Сказала ей вслед, чтобы она дома не показывалась, и Юля боялась домой возвращаться. Она ей даже не позвонила. За сегодняшний день - ни разу! Вчера названивала целый вечер, и теперь девушка, разозленная, уязвленная, раздосадованная и раздраженная, отчаянно жалела, что так с ней и не поговорила.. А сегодня... Неужели уже поздно? Целый день прошел, а о ней словно бы забыли!

Телефон уныло молчал в кармане куртки, куда она его поспешно кинула, когда из дома убежала. И он настойчиво и скупно молчал.

- Юлечка, - приговаривал Игорь, - ты не переживай, все образуется. Ты с мамой помиришься, обязательно. А Новый год завтра вместе встретим. Мы с отцом столько вкуснятины разной накупили, ты не пожалеешь!

Да не нужно ей ничего, неужели он не понимает? Хотелось разозлиться. Да нет, Игорь понимает. Просто хочет успокоить ее, как может. Потому что видит, как ей плохо. А она еще и на него злится.

Какая же она идиотка! Почему накричала, зачем взвилась, зачем нагрубила?! Она все сейчас отдала за то, чтобы мамин голос услышать. А она все не звонила ей и не звонила. Вообще никто не звонил.

Она несколько раз сама порывалась набрать ее номер, позвонить, извиниться, попросить прощения, пообещать, что больше так не поступит. Но что-то останавливало ее, и она, грустно вздохнув, клала телефон назад в карман куртки и плелась в комнату.

Неужели она не нужна? Неужели, и правда, ее домой больше не пустят?

Неужели Новый год так пройдет? Грустно, одиноко, пусто... Да, рядом будет Игорь. Но мамы-то не будет! А кто ей ее заменит?! Игорь? Его отец?.. И квартира не родная, и вообще все здесь чужое.

Поджав под себя ноги и втянув плечи, девушка неслышно заплакала.

Мамочка, прости меня, пожалуйста. Прости!..

31 декабря

Это казалось не просто глупым, - для нее, тридцатидвухлетней женщины! - но совершенно

безумным.

Так дети поступают, наивные, доверчивые, невинные ангелочки, но не взрослые люди!

Загадать желание под бой курантов! Кто в своей жизни хотя бы один раз не слышал этой приметы? И кто знает случаи, когда загаданное желание исполнялось?! Знает ли история подобные феномены вообще?

Наташа не знала, да и не слышала об этом, пожалуй, ни разу. И не верила. Точнее, не так, она просто не обращала внимания на подобные глупости, байки, сказки, чушь и наивную непосредственность. Никогда не задумывалась, даже в голову не брала, что когда-нибудь сможет дойти по такого! Загадать желание и сжечь листок, пока бьют кремлевские куранты!? Зачем? Для чего? Почему именно сейчас?..

Глядя на суетившихся вокруг елки детей, хваставших друг перед другом подарками, слыша их задорный смех, задиристые выкрики, видя счастливые улыбки на раскрасневшихся лицах, она понимала, - почему.

Из-за них. Из-за детей. Точнее, ради них. Ради своего малыша, которого так отчаянно хотела держать на руках, слышать его смех, видеть его улыбку, дарить ему подарки!.. Этого разве недостаточно?..

С застывшей в глазах грустью, она медленно, заторможено выполняла данные ей поручения, а перед глазами, как картинка из фильма, - он. *Ее малыш*. Тоже суетится около елки, сидит на полу, разбирая подарки, принесенные Дедом Морозом, хлопает в ладоши, кричит ей «Мамочка, смотри!» и смеется...

Настолько ярко, живо, реалистично, настолько правдиво, что Наталье хотелось протянуть к нему руки и обнять маленькое тельце, прижать к себе, вдыхая сладкий аромат конфет и мандаринов. И не отпускать.

Разве ради него она не могла себе позволить... веру? Ради него, своего малыша?

Пусть глупо, пусть наивно, пусть по-детски, и все же... Так хочется верить в чудо! Хотя бы в Новый год.

И она поверила. Едва, улыбаясь, расселись за столом, слушая новогоднее обращение президента, ожидая наступления нового года и долгожданного боя кремлевских часов, женщина запаслась небольшим листком, сильно сжимая его в руках, сминая дрожащими пальцами, едва дыша, боясь даже пошевелиться.

А вдруг не получится? Какой, наверное, глупой она выглядит перед ними, своими родными и близкими!

Она неуверенно, осторожно подняла глаза от сжатых ладоней, сглотнув, осмотрелась... и наткнулась на внимательный, казалось, все понимающий взгляд любимых зеленых глаз.

- Наташенька, - удивленно проговорил Олег, глядя на зажатый в руке листок, - это что такое?

Их взгляды скрестились. Понимание. Теплота. Доверие. Участие. Ласка и нежность.

Ей даже не пришлось что-либо отвечать ему, муж понял все без слов.

- Ты что, желание будешь загадывать? - изумленно прошептал он.

- Да, - хрипло произнесла Наташа. - Я хочу... - опустив глаза, смутилась. - Я хочу хотя бы попробовать. Ты сам говорил мне, чтобы я верила... И я верю, - она подняла на него глаза со сверкающими в глубине зрачков огоньками. - Я верю, Олежек!.. - как он отнесется к этому?

Он долго пристально смотрел на нее, а потом порывисто обнял, прижимая к своей груди, и прошептал:

- Ну, хорошо, - поцеловал ее в висок. - Твое желание стоит того, чтобы поверить в чудо...

Практик, прагматик, логик, ее муж не противился и не смеялся! Он принял, он одобрил. Он был с ней и сейчас, до конца!

И она была счастлива. Почти...

Едва забили куранты, и послышался первый их стук, она, вздрогнув, написала на листке заветную фразу.

«Пожалуйста, пусть в этом году у меня появится малыш!».

И, не обращая внимания на удивленные взгляды родных, чокавшихся бокалами, подожгла листок...

Семь... Восемь... Девять...

Гори, гори, моя мечта... Услышь мой зов!.. Исполнишь, желание!..

Одиннадцать...

И выпила все до дна.

Двенадцать!..

- Урра-а-а!!!

- С Новым годом!

- С новым счастьем!

И, глядя на всеобщее веселье и радость, она искренне улыбнулась.

И все, вроде бы, было хорошо. С утра сходили в магазин, готовились к вечеру. Накупили всякой всячины, стол был богатый, тут уж и придраться было не к чему. Подарками обменялись, обнялись, улыбались, резвились, когда накрывали на стол, но... Но не то, все было не то!

На душе было тяжело и уныло, мрачно, сыро и дождливо. Сердце кровоточило и разрывалось от боли. От невыплаканной обиды и произнесенного сожаления.

Юля так и не помирилась с мамой. Перед самым Новым годом так и не выпросила у той прощения.

Звонила днем, всего лишь раз, но наткнулась на казавшийся грубым монотонный голос автоответчика. Попробовала вечером, еще раз, но сеть была перегружена. Так и не дозвонилась.

А вдруг она не хочет ее видеть? Вдруг не простила?! Ведь за два дня так и не позвонила больше!

Или звонила, но так же, как и сама Юля, банально не дозвонилась?..

Девушка вмиг встrepенулась, подскочила, сердце забилось сильно-сильно, участился пульс.

А вдруг, и правда?.. Она себя мучает, накручивает, переживает, а что же мама? Она тоже могла не дозвониться, и сейчас тоже, наверное, переживает, скучает, ждет дочку домой, как и Юля, рвется к самому дорогому человеку на земле в объятия!

И в тот миг, когда президент начал говорить свою речь, девушка поняла, что находится там, где быть не должна. Нет, должна, конечно, должна, но не сейчас... Не тогда, когда мама - там. А она - тут. И не помирились, не извинились. Не пообещали не ссориться.

Перед самым Новым годом!

Стремительно вскочила с места и, не объясняясь, выскользнула из комнаты, метнувшись к двери.

- Юля!.. - услышала она взволнованный голос Игоря, и парень метнулся за ней.

Обернулась к нему, возбужденная, раздосадованная и решительная.

- Прости меня!.. - почти задохнулась. - Но я не могу с тобой... И вообще... не могу, пока с мамой не помирилась!.. понимаешь?.. Новый год, а я ей даже не сказала, как сильно ее люблю!.. - почти задышалась от захлестнувших ее эмоций. Глупая, глупая Юля! - Она мне звонила, наверное... А я... я... - застыла со слезами на глазах. - Я к ней хочу... - прошептала она едва слышно. - Понимаешь?

И он понял. Он всегда ее понимал, потому она его, наверное, и полюбила. Понимал и принимал, такой, какая она была.

Игорь кивнул, улыбнулся и шепнул:

- Иди.

Она бросилась к нему, крепко обняла, поцеловала в щеку, потом в губы и выдохнула:

- Я позвоню, - и стремительно кинулась прочь, пытаясь нащупать в кармане телефон.

Выскользнула из квартиры, бросилась к лестнице, не рискуя ехать на лифте. Набрала мамин номер...

Сеть перегружена!.. Нет сигнала!.. Срыв вызова.

Боже, нет... Пожалуйста, нет!..

- Мамочка!.. - шептала она, минуя одну ступеньку за другой. - Я так тебя люблю. Мамочка!..

Попробовала набрать номер еще раз. И еще, и еще раз... Чертыхаясь, спешила вниз, дрожащими пальцами сжимая телефон.

И... о, чудо, ей ответили. С пятого ли раза, с седьмого или с десятого, так ли важно сейчас? Когда она, наконец, услышала любимый, родной, самой дорогой сердцу голос?!

- Да?.. - с придыханием, взволнованно. - Юля!? Юлечка, девочка моя!.. Это ты?.. - едва не плачет, уже почти кричит в трубку.

- Мама... - вначале шепчет она. А потом тоже срывается на крик.- Мамочка, я тебя люблю. Я так тебя люблю... Прости меня!..

- Где ты?.. - хрипло сбивчиво спрашивает мама. - Почему ты не дома?.. Почему?..

- Мама, я...

И вдруг... разрывается соединение. Резко, стремительно, пусто трезвонит в ухо монотонный сигнал.

- Мама...

Споткнулась, едва не упала, зацепившись о ступеньку, телефон выскользнул из дрожащих пальцев и полетел вниз, минуя несколько пролетов. Разбился, приземлившись где-то на первом этаже.

- Не-е-ет!.. - закричала девушка, кидаясь за ним, начиная осознать, что находится на грани истерики. - Нет! Пожалуйста, нет!..

Остановилась, заплакала от отчаяния.. Застыла, словно вкопанная, а потом стремглав кинулась назад в квартиру Игоря. Замолила по двери кулаками, забила, закричала. Открыли почти сразу. Игорь. Застыл на пороге, глядя на нее изумленно.

- Юля?.. - отступил, пропуская девушку вперед. - Что-то случилось?..

- Где твой телефон?! - кинулась она на него.

- Что?..

- Где твой телефон?! - заорала девушка. - Телефон! Дай мне его, мне маме позвонить нужно! Срочно!

- Сеть перегружена, - взволнованно пробормотал молодой человек, протягивая ей мобильник. - Попробуй смс отправить...

- Давай! - приговаривала она, набирая маме заветное смс. - Ну, давай же, скорее!.. Давай, пожалуйста...

А в зале, словно назло, настойчиво и неуклонно отсчитывали секунды кремлевские куранты.

Восемь... Девять...

Ну, давай же, отправляйся!.. Давай, это очень важно!..

Десять... Одиннадцать...

Вот так, вот так... Еще немного...

Двенадцать!..

Отправилось.

Сжимая в руках телефон, она улыбалась. По щекам текли слезы, и она не могла их сдержать.

Ее девочка, ее дорогая, любимая девочка...

- Кто звонил? - спросил Витя, подсакивая к ней и взволнованно глядя в ее заплаканное лицо.

- Мама, а почему Юли нет с нами? - подбежал Никитка и потянул за подол платья.

- Рита, - тронул ее за руку муж, привлекая к себе внимание. - Кто это был?.. Что-то случилось?

- Это Юля, - пробормотала она, рыдая. - Она едет домой...

Стало как-то легко на душе, словно она всего мгновение назад совершила нечто очень важное.

Закрыв глаза, Наташа вздохнула, прижала руки к груди, туда, где билось сердце, тревожно, скоро, будто ожидая чего-то. А рядом... тепло, нежность, ласковое касание рук, любимый человек.

- Ты загадала желание? - тихо спросил ее Олег, легко касаясь губами ее губ.

Наташа кивнула и, распахнув глаза, улыбнулась.

- Самое заветное, - прошептала она, прижимаясь к нему всем телом. – Самое-самое...

- Все будет хорошо, - улыбаясь, сказал он ей. - Теперь ты в это веришь, Наташенька?..

Она не успела ответить, затрещал звуком входящего смс мобильный телефон.

Удивленно вздернув брови, - кто бы это быть? - потянулась к нему, открыла входящие сообщения.

И застыла, ни жива ни мертва, глядя на горящие на дисплее буквы, вдруг заплывшие перед глазами.

Изумление, шок, тревога, а затем радость, восторг, головокружительное, опьяняющее счастье!..

Олег взволнованно бросился к ней, тронув за плечи, прошептал:

- Что там?

Она подняла на него светящиеся глаза, блестящие слезами. Замотала головой.

- Ты плачешь, - выдохнул он, касаясь ее щеки пальцами, стараясь успокоить.

Она улыбнулась. Засветилась. Расцвела.

- Я верю, Олежек, - едва вымолвила она надорвавшимся голосом. – Вот *теперь* верю! – заплакала.

И показала ему пришедшее смс.

«Жди меня, мама. Я скоро приду! Юля».

Вот что там было написано.

Год спустя

Юля потом винила себя. Как же она могла перепутать заветные цифры номера мамы? Она помнила их наизусть! Ночью разбуди, и она бы набрала их с закрытыми глазами. Так что же случилось в ту новогодняя ночь? Почему она так глупо, нелепо ошиблась? В спешке перепутала? Случайно? Необдуманно скользнула пальцами не туда, куда нужно было? Ошиблась-то всего в одной цифре! Нелепость какая-то, случайность...

Когда в ту новогоднюю ночь мчалась по заснеженным улицам со слезами на глазах, широко улыбаясь, она еще не знала о своей ошибке. Прохожие, поздравляющие друг друга с праздником, веселье, радостный смех, запах шампанского, еловой хвои и мандаринов, - запах нового года, окутывал ее со всех сторон. И везде шум, гам, толкотня, светящиеся огоньки елочных гирлянд, вереница выкрикиваемых поздравлений, яркие вспышки салюта, озаряемые темное городское небо, усыпанное миллиардами звезд.

И одна девочка в этом большом городе. Спешащая домой к маме, к той, которая верила, надеялась, ждала, несмотря ни на что. Всегда ждала свою девочку. И дождалась.

Они встретились на пороге. Плачущая и улыбающаяся самая дорогая в мире женщина будто знала, сердцем чувствовала, что дочка спешит к ней. Одета в черное платье с блестками, которые сверкали в свете лампы, а в глазах блестят слезы счастья.

Юля застыла на мгновение, глядя в добрые светло-карие глаза, а потом... кинулась к ней и разрыдалась.

- Мамочка!.. Я тебя так люблю, - шептала она, пряча покрасневшее лицо на материнской груди.

- Юля, девочка моя! - судорожно шептала та ей в волосы, прижимала к себе, сильнее, крепче, не отпуская.

- Прости меня, прости... - как заведенная, говорила тогда девушка, не переставая плакать. - Прости, я такая глупая у тебя!.. Я больше никогда так делать не буду! Никогда...

- Ну, что ты? Что ты?.. - взволнованно шептала ей мама. - Это ты меня прости. Мне не стоило говорить того, что я сказала. Ведь я так не думала на самом деле...

- Я тоже так не думала!..

- Я знаю, моя крошка. Я знаю, - шептала женщина дрожащим голосом, стискивая родного человечка в своих руках, целуя щеки, виски, волосы дочери. - Все у нас теперь будет хорошо. Все будет хорошо!

Юля закивала, не в силах произнести ни слова из-за острого комка, стиснувшего горло. Она верила ей.

О том, что ошиблась номером, девушка узнала позже. Очень удивилась, раздосадовалась, разозлилась на себя. Как так получилось, что единственный номер, который она помнила наизусть, она набрала неверно?!

Мама ее успокоила, сказала, чтобы дочь не переживала. И вскоре забылось, прошло, исчезло...

А почти через год она услышала эту историю. Случайно, когда в автобусе ехала. Уже и не помнила, почему так заинтересовалась. Смотрела бы в окно, слушала музыку или читала книгу, а нет, почему-то обратила внимание, прислушалась к истории, которую одна женщина пересказывала другой. Про семейную пару, которая много лет подряд хотела завести ребенка. Но в течение пяти лет они ничего не могли сделать. И к врачам обращались, к самым лучшим специалистам, и курсы лечения проходили не единожды, казалось, злой рок их преследует, не позволяя осуществить свою заветную мечту. А на Новый год жена, будто отчаявшись, желание загадала, на листке его написала и сожгла. Понятное дело, каким было ее желание, - малыша она попросила в «подарок». А через минуту ей сообщение на телефон пришло, наверное, номером кто-то ошибся. И сообщение это, говорят, словно знаком было.

Чудо или нет, но через пару месяцев пара узнала, что у них пополнение в семье будет. А в конце ноября женщина родила. *Девочку*. И когда у них спрашивали, как они свою крошку назвали, счастливые родители переглядывались, улыбались друг другу и отвечали, - в честь той отправительницы, что номером в новогоднюю ночь ошиблась и пообещала маме скоро быть. Чудо, самое настоящее чудо, не иначе!..

Удивленно вскинув брови, Юля улыбалась, глядя в окно. Бывает же такое!..

«Действительно, чудо!» подумала она, выбираясь из автобуса на своей остановке.

Улыбаясь выглянувшему солнцу, девушка, направилась к кинотеатру, где ее уже ждал Игорь.

История, услышанная ею в автобусе, вскоре забылась, словно бы она ее и не слышала, растворилась в морозном воздухе декабря, а девушке даже в голову не пришло, что этим чудом была она сама.

Конец.